

Яков Шафирович

ПИСЬМА ИЗ КАРЕЛИИ
1941-1944

Яков Шафирович

Письма из Карелии 1941—1944

«Издательские решения»

Шафирович Я.

Письма из Карелии 1941—1944 / Я. Шафирович —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502681-1

Яков был призван в армию и покинул родной город 24 мая 1941 г. Он вернулся домой в ноябре 1944 г. после третьего ранения. В своих письмах маме и другим близким он с предельной откровенностью описывал все, что ему пришлось пережить на Карельском фронте. Письма раскрывают процесс превращения интеллигентного юноши, участника драмкружка, в опытного бойца и командира.

ISBN 978-5-00-502681-1

© Шафирович Я.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть 1: Здравствуй, Север (май – август 1941)	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Письма из Карелии 1941—1944

Яков Шафирович

Редактор Евгений Шафирович

© Яков Шафирович, 2019

ISBN 978-5-0050-2681-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В этой книге представлены письма, написанные моим отцом Яковом Вольфовичем Шафировичем в период с мая 1941 г. по ноябрь 1944 г. Большинство писем адресовано его матери Ольге Николаевне Шафирович и ее сестре Надежде Николаевне Соболевой, жившим в г. Ногинске Московской области, в доме №96 на Рогожской улице. Они сохранили эти письма. В последние годы жизни (умер 2 мая 1995 г.) отец перебрал их и вложил в большие тетради, очевидно, для лучшей сохранности. В 2018 году я прочитал и отсканировал письма, после чего решил, что они могут представлять интерес и для других людей. Несмотря на юный возраст (18—22 года), Яков писал, как мне кажется, довольно неплохо и читатель найдет там много любопытных подробностей из жизни людей в экстремальных условиях фронта и Заполярья. При этом, как он сам отмечал, писал он все, что думал, не приукрашивая. Интересны также его размышления о возникавшем периодически «Гамлетовском вопросе» – соглашаться учиться на офицера и тем уменьшить вероятность смерти, по крайней мере на время учебы, или не соглашаться, но зато иметь возможность стать инженером после войны (если не убьют).

Чтобы облегчить понимание написанного, необходимо дать немного информации о семье, в которой рос мой отец. Ольга Николаевна родилась в 1887 г. в семье Николая Ивановича и Анны Григорьевны Соболевых. Жили они в г. Богородске (переименован в Ногинск в 1930 г.), в доме напротив Богоявленского собора на Царской (ныне Рабочей) улице. Ее первого мужа звали Сергей Балашов и у нее было двое детей от него – Ольга (Ляля) и Сергей. Во время войны Ольга Николаевна шила солдатское обмундирование на машинке «Зингер», которая существует до сих пор (я на этой машинке делал домашние задания, когда учился в начальной школе).

Вольф Лазаревич Шафирович родился в 1885 г. в местечке Волпа Гродненской губернии. В 1915 г. в связи с войной эвакуировался в Богородск, где работал счетоводом в химической мастерской, и в 1920 г. женился на Ольге Николаевне. Яков родился 26 июня 1922 г. в Богородске. С 1936 г. Вольф работал в отделе снабжения на заводе «Акрихин». В 1938 г. его, как тогда говорили, забрали. От отца я знал, что Вольфа арестовали 18 марта, в день Парижской Коммуны (благодаря чему запомнил и день ареста, и день этой самой Коммуны). Его обвинили в шпионаже в пользу Польши и расстреляли 13 августа 1938 г. в Бутово. Родственникам сообщили, что Вольф получил десять лет без права переписки. Реабилитирован посмертно в 1958 г.

Несмотря на эти обстоятельства, Яков был воспитан в духе марксистско-ленинской идеологии и был активным комсомольцем, а во время войны вступил в партию. Впоследствии мировоззрение его изменилось. Помню, он говорил мне, что, разбираясь с письмами, читал их и удивлялся своей тогдашней наивности.

Также следует заметить для понимания некоторых писем, что Яков занимался в драмкружке при Ногинском Доме пионеров. В письмах часто упоминаются руководитель драмкружка Саша Корнеев и кружковцы Николай Бражкин, Марта Терехова, Женя Хапулин, Анатолий (Нолик) Хренников, и Маня Штибель, а также школьный друг Якова Вася Галкин.

Для подготовки книги я приобрел программу *Brainia*, которая превращает речь в текст (и «знает» более 100 языков), и продиктовал все эти письма перед компьютером. После диктовки надо было только исправлять ошибки, сделанные программой. Многие были довольно забавными. Например, фразу «Живем там тыловой жизнью: ходим в рост, бегаем, живем в хороших землянках» программа поняла как «Живем там половой жизнью: ходим в рост...». Или, например, вместо слова «упорно» программа написала «у*****» (по-видимому, в нее заложен запрет на «плохие» слова).

Для удобства читателя книга разбита на главы. Кроме того, несколько писем других людей Ольге Николаевне и Якову представлены в приложении.

Все письма в этой книге печатаются с сохранением орфографии и пунктуации авторов. Это включает как ошибки авторов, так и слова, написанные согласно существовавшим тогда правилам (например, «итти» и «чорт»). Я старался избегать каких-либо изменений и, когда Bräina следовала современным правилам, восстанавливал оригинальный текст. Единственное исключение я сделал для дат. В письмах часто использовались римские и арабские цифры для обозначения месяцев – вместо них я, как правило, писал слова. Кроме того, даты писем везде помещены в начале письма независимо от места, где они были написаны. В некоторых письмах даты отсутствовали, но все письма находятся в хронологической последовательности, установленной по почтовым штампам и по содержанию писем.

После первого опубликования в книгу были добавлены тексты шести писем Якова. Одно из них было обнаружено в одном из двадцати конвертов, хранившихся отдельно от писем, а пять находятся в музее Ногинских электросетей. Кроме того, добавлены несколько примечаний и фотографий, а также исправлены опечатки, сделанные при подготовке печатного текста писем.

Составитель книги благодарит Владимира Ивановича Козлова, Владимира Яковлевича Шафировича и Любовь Евгеньевну Шафирович за помощь и советы.

Евгений Шафирович

**Часть 1: Здравствуй, Север (май – август 1941)
Мы сегодня поедem строить что-то. Отшельники.
Стучат колеса. Мурманск. Эх и летели же
они у нас с насыпи. Лагерь НКВД и польские
офицеры. 22 июня. Отступление и самолеты.
Кандалакша. Нет, ты фронт здесь куй.**

1.

27 мая 41 г.

Здравствуйте матушка моя Ольга Николаевна, тетушка Надежда Николаевна, сестрица моя Ольга Сергеевна и ее муженек и деточки, братец мой Сергей Сергеевич и прочая и прочая. Кланяюсь Вам до земли своей бритой головою.¹

Пишу в 6 утра в Туле промежду вставанием и завтраком. Обмундирование нам пока еще не выдали.

Мы в Туле не останемся. Наш батальон, а он в 20 раз больше Ногинской команды – называется строительным и мы сегодня поедem строить что-то.

Я попал в роту один из наших. Остальные ребята из Ногинска все в другой роте, за исключением Каца, который попал в третью. Пока мы ничего не делали было страшно скучно и грустно. Все оглядывался назад, что заставляло вглядываться в будущее, а оно неизвестно. Вчера на закрытом комсомольском собрании избирали комитет, а у нас наз. президиум ротной комсомольской организации. Меня избрали в его состав, а затем президиум выбрал меня секретарем ротной комсомольской организации. Так, что теперь у меня есть дела о которых только и думаешь. Говоря правду – я несколько затрудняюсь – не знаю с чего начать.

Встаем мы в 5. Ложимся в 11. Едим 3 раза в день. Кормят хорошо. Так что я не знаю куда девать, что у меня в чемодане. Спим пока не раздеваясь на нарах.

Наша рота будет работать на строительстве бетонщиками, каменщиками, арматурщиками.

Когда приедem на место, напишу адрес.

Недавно Надя смотрела кино, по билету, который я для нее покупал.² Так вот, по-видимому наша служба будет похожа на изображенное там.

Ну пока. Целую всех крепко. Передайте привет Васе, Хрену, Браге, Мырте и другим ребятам.

Письмо это ты кроме лиц, которым она предназначено (см. начало письма) никому не показывай.

Привет <Подпись>

2.

Мама и другие здравствуйте!

Нахожусь в г. Москве в товарном вагоне на окружной дороге. В вагоне нас 42 чел., так что не плюнуть, ни ногой ступить. Кормят нас сухарями – не кусанешь. У меня, кстати сказать болят 2 зуба, что очень мешает в армейской жизни. Бегаем на остановках за булками и прочим питанием вроде водицы. Томимся неизвестностью дальнейшего пути.

¹ Яков был призван в армию и покинул Ногинск 24 мая 1941 г. (Здесь и далее примечания Е. Я. Шафировича.)

² Имеется в виду фильм «Заклученные» – см. следующее письмо.

Доехали до Тулы мы благополучно, т.е. я, а остальные надрызгались, остановили тормозом поезд,³ о чем впрочем я узнал только в Туле (в пути спал). Нас собрали 800 чел. Все молодцы как на подбор: у кого родители сидят, кто сам сидел; в общем братки будь здоров. Расположили нас сначала на полу вповалку, а потом перевели в не менее неблагоустроенное помещение, а именно положили (тоже вповалку) на нары. Разница лишь в том, что пол подмести легче, чем нары... Умора!

Когда я узнал, что собрались одни, как говорит Женька Х.⁴ отшельники, да что отправляют на строительство, я сразу вспомнил картину «Заклученные». У меня такое настроение было... ой-ой. К тому же я в роту попал один из Ногинцев – ни с кем ни поговоришь, ни словом даже не перекинешься. Я все время замечаю и контролирую все свои настроения – тогда я испытывал тоску или еще какую то чертовщину, которая тянула лечь в углу и реветь. С таким настроением я писал вам первое письмо. Так у меня слезы навертывались и я такое там написал, что на другой день разорвал его, чему сейчас бесконечно рад. Мое «выздоровление» началось с избранием меня секретарем комсомольской организации роты: появились заботы и прочее. Сейчас я живу настоящим: заботами о еде, сне, но потребности чтения, театра, кино еще почти не появляется. Стало быть еще не выздоровел!

Меня хотели назначить командиром взвода (в нем 56 человек). Я был бы их начальником, за послушание которого идут под арест. Я сослался на загруженность (секретарь дескать) и благополучно избавился от сей должности. Мне охота испытать рядовую красноармейскую жизнь, да к тому же это и спокойнее и время на клубную работу больше.

Будят нас в 5 часов. Я по первой команде пробуждаюсь и как заводной (спим не раздеваясь) встаю. Именно как заводной: ничего не думая, не чувствуя, кроме огромного желания спать и жестокого холода (в таких случаях я его испытываю при любых температурах). Вчера ходил первый раз в наряд (очередной разумеется). Чистил, мыл котел походной кухни, таскал в нее воду (30 ведер), затапливал, и кипятил воду. Это все происходило с 2 ночи. Надо сказать что пока я спокойненько переносу все тяготы. И даже получаю удовлетворение от трудовой деятельности.

Сейчас просмотрел, что написал. Чудно. Пишу в радостном настроении (после упадка) а получается, что у нас здесь прямо таки каторга: и нары и наряды и прочее. Это уж так в письме получается – я не виноват – а у нас здесь не так уж плохо. Я присматриваюсь к ребятам, так я по сравнению со многими из них прямо таки молодец. Я достиг главного в армии – не ропщу на командиров при любом приказании, а это многое. У нас здесь за попытку критиковать командира отправляют под арест. Ну что еще? Водили нас в баню мы там, представь себе, ... мылись.

Из нашего строительного батальона за хорошую службу и работу будут переводить в нормальные строевые части. Я надеюсь пройти и думаю, что путь через секр. комс. орг. довольно верный.

Следующее письмо получите уже с места, если ехать туда меньше месяца; если месяц или что-нибудь в этом роде то, конечно еще напишу с дороги.

Передай привет всем, кого я упомянул в первом письме, а то перечислять всех – надо-едает. Ты письма то мои особенно никому не показывай, я не люблю. Наде, Ляле и хватит, очень прошу тебя. Ну, пока! Спасибо за ложку.

Приготовь [*неразборчиво*], небольшую карту Европ. части СССР.

Куда то поедем? Если на восток или север – дело дрянь. Все остальные направления приму с радостью.

С кр-им приветом Яшка.

³ Это наводит на мысль, что аналогичный случай со Швейком мог быть основан на реальных событиях.

⁴ Женя Хапулин, участник драмкружка. На фотографии вместе с Яковом смотрит из окна поезда, увозящего их в армию.

Саше написал. Остальным, когда приеду на место.

3.

3 июня 41 г.

Мама, здравствуй!

Сообщаю, что уже послал два письма: одно из Тулы, одно из Москвы – с пути.

В этом – третьем письме мне уже надоело передавать приветы «сродственникам моим», поэтому ты уж передавай их сама от моего имени и Наде и Ляле и другим.

29 мая в 11 утра нас погрузили в эшелон и мы двинулись. Находилось нас в товарном вагоне на двухэтажных нарах 42 души – вообще как сельди в бочке. Кормили нас во время пути сухарями черными (не укусишь), рыбой – воблой или селедкой (не проглотишь), сахаром (не раскусишь) и кипятком (мало). Ну мы не растерялись, сухари в мешок (мой) и в угол, сахар с кипятком в живот с рыбой, конечно, да на каждой станции налеты на станционные буфеты. Я в одном месте успел даже на базар сбегать, купил там плюшек и поллитра молока, что и имел честь выкушать.

Всю дорогу мы занимались исследованием нашего пути – следования. Приехав в Москву, остановились на окружной дороге, а не вокзале, так что опять таки ничего узнать не могли. Ночью отправились по окружной дороге и, наконец, мы узнали от жел. дорожников, что выехали на Октябрьскую дорогу. Но тут опять возникли вопросы: на север или Запад (Литву и др.)? Забегая вперед скажу, что не доезжая 110 км. до Ленинграда, свернули мы на Мурманск. Пока ехали по Октябрьской, станций было много, станции были интересные, а как свернули – чорта с два: ни станций, ни деревень.

Едем мы по дороге в Мурманском направлении и думаем: куда повезут: в Мурманск, или Выборг?

С обеих сторон пути тянутся нескончаемые леса – сначала строевой лес, а затем лесочек, в котором молодые деревца как только подрастают так и падают. Это объясняется тем, что там тянутся сплошные болота. Когда в Туле ребята смеялись: «будем строить на болоте», я смеялся – чепуха. Только теперь я понял, что это за болота.

Итак стучат колеса, а всего они стучали 5 суток, я стою или сижу и смотрю в дверь на бесконечные лесочки и бесконечно тянущуюся воду по обеим сторонам дороги. Потом к лесу и воде прибавился третий спутник северного пейзажа – камень. Камней великое множество. Камни различного размера, начиная с гальки и кончая скалами. Но скала большая и большая, она как то не действует своей громадиной, зато здесь есть камни, смотря на которые разувашь глаза. Представь – стоит дом с мезонином, а рядом камень, который больше его раза в полтора. Когда приехали на станцию «Медвежья гора», нам сказали, что дальше к лесу, воде, камням и уже солидному холоду прибавится спутник Севера – снег. Как я это услышал, так у меня поджилки затряслись. Дело в том, что по ночам я не могу спать подряд более часов двух – просыпаюсь от страшного холода, побегаю, опять ложусь. Не раз я вспоминал, как ты мне, весьма неуверенно, предлагала надеть шубу.

И вот появился снег, а вместе с ним сквозящий ветер. Вероятно сложили бы мы наши кости, да начальство наше догадалось выдать нам шинели. Как надел я на пальто шинель, так и почувствовал себя фон-бароном. С момента нашего ошенеливания я стал и смотреть на мир веселее.

Не доезжая до Мурманска 240 км. паровоз сменился электровозом и наш огромный состав понесся вперед, в Мурманск со скоростью 50—60 км./час. Увидя здесь такую технику, мы сразу повеселели и решили что де не пропадем.

2 июня в 3 часа дня мы в полном боевом виде – с чемоданами, неумытыми рожами ворвались на всех парах, точнее сказать, на всех токах, в самую северную точку Сов. союза – неза-

мерзающий порт Мурманск. Мурманск этот расположен среди гор, на берегу Кольского залива. На горах снег лежит, хотя они и невысокие.

Выгрузились мы, отошли к бережку и стали ждать у моря погоды.

Опять появился вечный вопрос: «Куда быть?»

Дали нам концентраты, мой любимый горох. Мы разожгли костры и сварили из него суп. Я старался взять супа как погуше и жрал его с великим аппетитом.

Да, здесь получилось история. До нас еще прибыл эшелон из Горького, так начальники его – остолопы дали им возможность напиться. Они все наакались, перестали слушать какую-либо команду и разбрелись в город. В городе устроили 20 грабежей, а своему командиру двинули чемоданом по чекрыге. Нас, как организованую публику (в Туле нас вымуштровали), к тому же как одетых в шинели поставили никуда банду эту не пускать. Эх и летели же они у нас с насыпи – любо-дорого смотреть. В городе НКВД выставило посты, несколько человек арестовали. За мародерство они будут расстреляны. Посадили также командира этого батальона. Ему 10 лет – как минимум.

В 11 вечера нас отправили в лагерь НКВД. Прошли 6 км. и остановились. Стали жечь костры, греться и прочее. Конечно не спали мы ночью. А остановились мы потому, что нас вели в лагерь, в котором живут, кто бы ты думала? – польские офицеры. Их взяли в Польше, они здесь в своем обмундировании, с эполетами, построили они себе лагерь, жили в нем, теперь их оттуда погнали куда-то, а нас на их место. Вот мы и ждали, пока пройдет по дороге их колонна 6 тыс. человек. Мне довелось троих увидеть – их вероятно больных – провезли мимо нас на машине. Затем и мы тронулись в путь. Пришли в лагерь и повалились на нары. Пропали до 4 дня сегодня.

Встал я, у меня руки ломит, спину тоже. Ведь 6 суток едем, спим мало, едим тоже не как следует – в основном сухоматка, не умывались.

Я великим усилием воли заставил себя умыться ледяной водой. Затем такой же водой побрился. Теперь чувствую себя уже более не менее ничего. Осталось только ненормальное состояние от беспорядочного сна. Сегодня мы делаем – кто чего хочет; завтра пойдем в баню, получим обмундирование и отправимся на место жительства.

Я разговаривал с зам. командира нашего батальона по политической части (очень культурный и славный человек). Он мне сказал, что, основываясь на сведениях, которые он получил в штабе Армии мы поедем на пароходе километров... на два меньше, чем четыре расстояния от нас до места жительства Мани Лосевой.⁵ Будем жить на материке, на берегу, а не на острове. Там у нас выстроен городок: бараки, клуб и т. д. Коечная система – у каждого койка, тумбочка. Будем 8 ч. работать, 2 ч. строевая и полит. подготовка. Жить будем на хозрасчете – получать зарплату с вычетом за питание ежедневных 5 р 25 к. Имеющие высокую квалификацию, напр. [неразборчиво] слесарь, говорит смогут заработать до 600 руб в месяц. Будем выполнять особое правит. задание. Нам надо к ноябрю построить нечто похожее на подземное сооружение за Обуховым. После выполнения этого задания поедем домой и нам зачислят как два года службы.

Все это неточно.

Чувствую себя я ничего. Смотрю на трудности философски – дескать это для вступления в жизнь очень даже полезно.

Ну пока. Моя писательское желание истощилось. Писал, что идет в голову. Не перечитывал. Много нескладных предложений – это ничего. Ничего не приукрашивал – как то не лежит сердце. Пишу все, что в данный момент чувствую. Знаю, что ты там нюни не распустишь (извини).

Да, здесь очень много заключенных.

⁵ По-видимому, г. Электросталь.

Ну, пока. Привет всем. Следующее письмо с места.
Целую крепко. Яша
Здесь нет ночи – все время день. Совсем не темнеет. Очень чудно.

4.

8 июля 41 г.
Здравствуй, мамаша!

Не знаю получила ли ты мое письмо, написанное на второй день войны, впрочем я не знаю получала ли ты и предыдущие, но, дело в том, что это письмо могло и не дойти, в связи с военным положением.

Я представляю себе твое беспокойство обо мне, ибо тебе было известно, что я нахожусь около границы.⁶ Должен сказать, что в нашей жизни после 22 июня ничего не изменилось: газет мы не видели с Мурманска, населения нет. Нам сообщили на митинге о войне, мы вылупили глаза, стали работать вместо 8 – 12 часов, а в остальном все по старому. Да, еще теперь мы очень часто прерываем работу и бегаем в кусты, не подумайте худого, от самолетов, а летают они здесь частенько. Иногда они летали так низко, что ясно видно фашистские знаки. Надо сказать, что вели мы себя не как на войне: в кусты бегали не спеша, ложились на бок, на сухое место, высовывались. Немцы решили проучить нас.

Вы из газет знаете, что 29ого июня немцы «По всему фронту от Баренцева моря до Финского залива» начали наступление. Его то нам и довелось испытать на своих плечах. Я не буду описывать подробностей, скажу только, что мы дней 5 ничего не ели, а только шли, по 50 км. в день, по воде, горам – вверх, вниз. К тому же часто подвергались бомбежке. Тебе покажется странным, но оказывается бомбежка не самая страшная вещь. Когда лежишь и недалеко от тебя падают бомбы – это не еще ничего. Но вот когда немцы видят людей, то они начинают строчить в них из пулеметов, когда самолет сбросил бомбу и выходит из пике. Вот когда сверху на тебя сыпятся пули, когда летят осколки от камня, за которым укрыта твоя голова, вот тогда сердце обливается холодным потом и тело так и вдавливается глубже в землю. Таких бомбежек – обстрелов я пережил четыре. Один обстрел длился целых полчаса. После обстрела от нервного напряжения страшно хочется спать, чувствуется глубокая усталость. Да, пережили за эти дни мы неожиданно очень много. Даже командир, бывший на 6 фронтах сказал, что 29 он не забудет. Да, не забудь, что мы были не вооружены!!! А ведь попадались десанты. Сейчас пришли на фронт подкрепления и немцев погнали. Ох и лупят же их! Им видать воевать неохота, самолеты их – штук 10 завидев наших 3 улепетьвают, солдаты, как правило, штыкового боя не выдерживают – бегут. У наших бойцов настроение боевое, а в связи с частичными удачами немцев – страшно остервенились. Наши в плен ни немцев, ни финнов не берут – режут их.

Я сейчас чувствую себя хорошо, словно и войны нет – еду в поезде из Мурманска – куда не знаю. Говорят будем жить в казармах, учиться стрелять и прочее. Из строителей нас превратили в стрелковый полк запаса. Приедем на место напишу адрес. Чемодан мой со всеми потрохами разбомбили. Привет Грише,⁷ Сергею.

Привет, целую Яков.

5.

Здравствуйте мама, Надя, Ляля и все сродственники.

В прошлом письме (не знаю дошло ли), когда я писал в пути я не мог как следует описать всего. Пишу сейчас вкратце.

⁶ Согласно автобиографии, написанной Яковом в 1951 г., его первое место службы было на полуострове Среднем.

⁷ Григорий Никитич Копалкин, муж Ляли.

После 22 июня мы оказались в центре событий фронтовых и вся наша жизнь сошла с дороги и попала на неизведанные тропы. Сейчас я могу сказать, что получил первое боевое крещение. Раз 5 я подвергался бомбардировке и обстрелу пулеметом из самолета. Самолеты здесь применяли такую тактику: он летит носом вниз (пикирует) и внизу бросает бомбу, затем он задирает нос вверх и идет в высоту. В это время из хвоста по тебе бьет пулемет. Вот когда пулемет застрочит и около тебя будут щелкать пули, а они у моей головы на расстоянии 30 см щелкали, вот тогда действительно замирает сердце и весь ты так и вдавливаешься вся в землю.

Ну сейчас этих самолетов побили уйму. Они горазды бомбить только там, где нет зениток или наших самолетов, так что почти буквально никакого вреда не причиняют. При появлении 3^х наших самолетов их 9 моментально улепетывают. Один наш истребитель сел на немецк. бомбардировщик и ехал на нем. Тот до смерти испугался и сел к нам со своей машиной. Один их летчик сказал, что с нашими летчиками воевать нельзя: «они, говорит, озорники» – не по правилам (немецким) воюют.

Потеха!!!

Вероятно 7ое ноября мы отпразднуем так таки в Берлине.

Ну, о себе.

Живу теперь в Кандалакше. Обитаем в лесу под кустами. Ночью вначале было так холодно, что я не спал, а бегал, сейчас мы приспособились, с тремя приятелями кладем шинель на землю, все трое ложимся и сразу накрываемся, получается очень тепло. Сейчас, правда, сделали мы себе землянки. Занимаемся мы учебой. Получил я так таки жену себе. Холю ее. Кроме того я теперь командир отделения. Вверили мне 15 душ. Питание здесь очень хорошее. Чувствую себя бодро, весело. Единственное, что нехватает, это с 24 мая не спал раздевшись или даже разувшись. Скоро получим новое хорошее обмундирование, а то мы как партизаны – строители (зарплаты и дыры блещут). Скоро вероятно поедем ближе к А. С. Гинзбургу.⁸

Пока пиши по адресу г. Кандалакша почта 79 до востребования Шафировичу Як. Вол. На конверте укажи свой полный адрес.

Только пишите больше и сразу, как получите мое письмо, а то опять вот уеду. Очень, очень нехорошо себя чувствую, от отсутствия от вас писем. Ведь ничего не знаю – как у вас там. Пишите!!! Целую всех накрепчайшим образом. Да, чемодан мой аукнулся со всем содержимым.

С приветом Яша

6.

Здравствуйте мамочка, дорогая сестрица, тетушка и прочие сродственники.

Кланяюсь вам до земли. Не знаю, к сожалению, как ваше там житие бытие, мое должен сказать совсем неплохое. Правда, должен сказать, что времени нехватает, а свободного нет вовсе. Несмотря на то, однако, что учимся мы очень много все же это учение куда как легче, нежели постройка дороги. Я командую отделением, обучаю их. Приходится самому-то усваивать, пока им показываешь. Ну, что еще? Вроде что то и нечего больше писать.

Мама, я попрошу тебя сообщить мой адрес Саше, Васе (коли они в Ногинске), Хрену, Тереховым Нине и Марте. Извинись перед ними, что я не писал им. Впрочем кроме Нолика всем им по несколько писем писал я. Я думаю, что они все поймут, что я находился, да и сейчас нахожусь не так то уж далеко от фронта и что мы здесь не отдыхать приехали. Писать было негде, неначем, нечем, некогда, да и просто сил не было физических, чтобы сесть писать письмо. Сейчас писать Вам всем, я более или менее имею возможности, поэтому очень прошу – пишите. Ведь я не получил ни одного письма! Что с Вами всеми там? Аллах ведает. Ты мамаша

⁸ По-видимому, он хотел сообщить, что они поедут в сторону Ленинграда. Александр Семенович Гинзбург, один из знакомых семьи, жил в Ленинграде.

там бодрись. Ляльке наверно крепко помогать приходится. Впрочем может Гришу и не взяли? Как Сергей? Видите, я ничего не знаю.

Ну пока, с красноармейским заполярным приветом. Я.

Мой окончательный адрес: Полевая почтовая станция 441 Запасный полк; 2^я стрелковая рота Шафировичу Якову Вольфовичу

Пишите на конверте свой адрес. Не пишите №441, а пишите просто 441.

Хапулин и Кац живы и здоровы.

7.

29 июля 41 г.

Мама и все друзья мои – здравствуйте.

Шлю Вам мой самый горячий красноармейский заполярный привет.

Жизнь моя окончательно наладилась и вошла в нормальную колею. Я уже писал, что я здесь командир отделения. Занимаюсь бойцами – учу их штыковому бою, тактике, материальной части винтовки. Ты удивляешься – откуда я сам могу это знать? Да, я ни бельмеса не понимал в этом. Но я на лету схватываю объяснения и сам то усваиваю окончательно уже в процессе обучения мною бойцов.

На днях мне пришлось расстаться с моими друзьями. Кроме нас, командиров, все наши бойцы поехали на фронт. Сейчас они уже находятся на передовой позиции. Кажется, не могу сказать точно, Моня Кац тоже с ними уехал. Бойцов моего отделения командование всех признало годным к пребыванию их на фронте. Очень приятно ощущать, что хоть маленькую, но пользу государству в деле обороны я уже принес.

Сейчас я занимаюсь с новыми бойцами. Так вероятно и будет продолжаться.

Сегодня мне сказали, что я и все командиры (из бойцов, как я) зачислены во вновь здесь организующуюся полковую школу. По выходе из нее получу звание сержанта. Так что коль жив буду, а я в этом не сомневался, даже когда можно было усомниться, придется служить 3 года.

Учиться в школе полтора месяца. Но она еще не организовалась.

Большой вопрос – это куда после школы – на фронт – или продолжать обучать бойцов? Ну да ладно. До сих пор я не управлял своей судьбой, а полностью ей покорялся и, надо сказать, она меня никогда не подводила. Думаю, что и на этот раз, я не прогадаю.

Погода здесь замечательная. Очень жарко. Купаемся. Сегодня смотался и ходил собирать морошку – это весьма вкусная ягода. Если бы не 12 часов занятий и 0 свободного времени – я бы и не ощущал войны. Да, забыл. Я принял присягу на верность моей любимой социалистической родине.

Кормят очень хорошо. Получаю зарплату 12 р. 75 к. Это за полярность (вместо 8—50), за полярность же иногда дают сгущенное молоко по 600 г. Ох и вкусно же!

Ну, обо мне вроде все.

Пишите мне немедленно, если хотите меня здесь застать (всяко бывает), пишите больше, а то я не получил ни одного письма. Сообщите всем мой адрес:

441 Полевая почтовая станция. 56 запасный полк. 2 стрелковая рота. Шафировичу Я. В. (Пишите обратный адрес на конверте.)

Напишите, где Гриша, Сергей, Саша, Васька. Как Ляля, Лида, Вадя.⁹ Ты и Надя?

Как бомбардировки и прочее. Как связь с Москвой?

Вот некоторые сведения о войне. Пленный немец рассказал, что им говорят, что Канда-лакша взята на 5 день войны, Минск и Киев на 7, Москва пылает и окружается. Когда ему рассказали настоящее положение, он улыбнулся и говорит «Теперь то мне понятно в чем дело». А когда его накормили, он глаза вылупил и говорит: «У нас так и по праздникам не кормят».

⁹ Лидия и Вадим – дети Ольги Сергеевны и Григория Никитича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.